

Цяо Янань просто ляпнула это ради шутки, а в темноте всё равно не разглядеть выражения лица. Увидев, что тазы полны, она сказала:

— Ступай скорее купаться, а то поздно будет, одежда до утра не высохнет.

— Хорошо.

Цяо Янань бросила охапку пелёнок в тазик. В воздухе разлился неприятный запах, но она к нему уже привыкла. Если в первый раз она держала нос одной рукой, а другой двумя пальцами полоскала пелёнки в воде, то теперь, не меняясь в лице и не дрогнув душой, сразу бросала их в таз и начинала стирать. Прошёл всего месяц. К тому же, это были только мокрые пелёнки — те, что были испачканы, она просто выбрасывала, так как возить их с собой было неудобно.

Хуайсинь мылся быстро: пелёнки были ещё не до конца выстираны, а он уже вышел.

— Длинноваты, да и широки, — Цяо Янань окинула взглядом его мешковатую одежду. — Я плохая швея, доберёмся до Гуйхуали — найдём кого-нибудь, чтобы подшили.

— Ничего страшного.

— Одежда должна быть по фигуре, иначе неудобно. Давай сюда свои вещи, поможешь мне развесить пелёнки.

Хуайсинь, прижимая одежду к себе, отступил назад:

— Я сам справлюсь.

Цяо Янань, решив поддразнить его, подалась вперёд и прошептала:

— Неужели на исподнем вышиты какие-то диковинные узоры, которые ты боишься мне показать?

У Хуайсиня глаза на лоб полезли.

— Шучу я, шучу! Нательное бельё не трону, только верхнюю одежду постирай, — Цяо Янань рассмеялась так, что глаза превратились в узкие щёлочки. Они оба оказались в беде, поэтому она, ничуть не смущаясь, указала на светящееся окно в комнате хозяев дома и тихо добавила: — Как же можно позволить мужу стирать? Если хозяева увидят — снова будут потешаться. Давай сюда.

Разговор зашёл в тупик. Хуайсинь в нерешительности протянул ей верхнюю одежду, выглядя при этом точь-в-точь как застенчивая девица, которую застали врасплох. Цяо Янань почувствовала укол совести: она ведь знала, что перегибает палку, подтрунивая над такой робкой натурой, — грешно было обижать простака.

Семнадцатилетнему Хуайсиню впервые довелось развешивать пелёнки. Ощущение было странным, словно... словно он хлопчет ради собственного ребёнка. Лицо у парня, который ещё

не был женат, запылало. Думать об этом было явно рановато, но, как ни странно, на душе не было ни капли протеста.

— Развесил? Тут в колодце такая темень, иди, поддержи мне фонарь, а то страшно.

— Готово.

Он поспешно развесил последнюю пелёнку, забрал у девушки ведро, и они принялись за дело: один черпал воду, другой ополаскивал бельё — сработались они на удивление слаженно.

Развесив одежду и в последний раз расправив её, Цяо Янань упёрла руки в бока и взглянула вверх:

— Сколько звёзд! Завтра будет отличная погода.

Стоя в небольшом квадратном дворике, они видели бескрайнее звёздное небо. Россыпи крошечных огней сливались в серебристое сияние, проливаясь на землю и делая всё вокруг — людей, вещи, пейзаж — такими нежными и мягкими.

Взгляд Хуайсиня упал на Цяо Янань. Окутанная ночной дымкой, она казалась существом не от мира сего: вот она, совсем рядом, но в то же время — бесконечно далеко. О чём она сейчас думает? Об отце с матерью? О старшем брате? Или тревожится о будущем? Она говорила, что ей страшно, но за весь путь он видел лишь её невозмутимость и умение справляться с любыми делами, в которых она казалась мастером на все руки.

Судя по одежде её брата и её манере говорить, она происходила из семьи не из простых. Но если она из знатного рода, почему ей приходится выполнять столько домашней работы? Почему она в одиночку везёт двоих детей в дальний путь? Что за семья могла воспитать девушку с такой решимостью? Ему очень хотелось всё это узнать.

Цяо Янань, почувствовав на себе взгляд, обернулась к нему.

— Хозяйка дома сказала очень верную вещь.

Цяо Янань не удержалась и снова подколола его:

— Какую? О том, что тебе досталась такая работающая жена?

К удивлению, в этот раз Хуайсинь не стал смущённо уворачиваться, а кивнул:

— Она сказала, что ты очень способная, и это чистая правда.

— Некоторым вещам можно научиться со временем, а некоторые не даются вовсе. То, что умею я, — это всё простые навыки.

Такую сноровку невозможно было обрести за короткий срок, но Хуайсинь не стал её

разоблачать. Он наклонился, поднял кусок мыла и протянул ей.

Цяо Янань взяла мыло, посмотрела на него, потом зачерпнула ковшом воды и, поднявшись, начала медленно лить её на руки, заглушая слова шумом воды:

— Я по натуре люблю поболтать. Если тебе неприятно, просто скажи, я не обижусь.

— Не неприятно, — тут же ответил Хуайсинь. — Мне нравится, что не нужно подбирать слова, чувствую себя легко.

Цяо Янань поверила, что он не лжёт. Если бы он выказал недовольство в первый раз, она бы точно не стала вести себя так свободно. В эти дни им приходилось общаться только с двумя детьми, так что можно было не слишком следить за собой. К тому же, привычку шутить, выработанную годами, не так-то просто изменить. Жизнь и так тяжела, если не смеяться и не разряжать обстановку, то останется только плакать каждый день.

Вода в ковше закончилась, и Цяо Янань бросила его в таз:

— Пойдём, заглянем в твою комнату.

— Я сам схожу, кажется, Сяо Сюци плачет.

Цяо Янань прислушалась — и правда.

— Проверь пелёнки, не дай себя обмануть. Я чуть позже подойду.

— Меня не так-то просто обмануть. Я немного устал, пожалуй, сразу лягу спать.

Раз он так сказал, Цяо Янань не стала настаивать, махнула рукой и поспешила к себе.

Проводив её взглядом, Хуайсинь отнёс воду в купальню, а сам отошёл в сторону. Дождавшись, пока Цяо Сючэн закончит мыться, и убедившись, что в доме воцарилась тишина, он вышел из тени. А когда в комнате Цяо Янань погас свет, он на цыпочках пробрался в гостиную, сдвинул две скамьи в тёмном углу, откуда не было видно комнаты девушки, и лёг.

В ту ночь он спал чутко. Каждый плач маленького Сюци, каждый тихий ласковый голос Цяо Янань, успокаивающей ребёнка, были слышны ему отчётливо. Только тогда он понял, как нелегко растить детей — порой даже не удаётся нормально выспаться.

На рассвете, услышав шум в комнате хозяев, Хуайсинь вернул скамьи на место и вышел прогуляться. Вернувшись, он увидел, что Цяо Янань ждёт его у входа. Он быстро подошёл, по пути меняя голос. Если бы не эта поездка, он бы и не подумал, что мелкие фокусы, которым его научили соученики ради забавы, могут быть так полезны.

Цяо Янань потянула его в комнату, усадила и достала инструменты для грима:

— Я специально встала пораньше, подумала, что за ночь всё могло стереться, нужно скорее подправить. Не ожидала, что ты встанешь ещё раньше. Тебя никто не видел?

Её лицо было совсем близко, а он не мог пошевелиться. Хуайсинь опустил глаза:

— Я был осторожен.

— Наконец-то ты начал осознавать, как выглядишь.

Никогда прежде он не осознавал этого так остро. Хуайсинь подумал: до семнадцати лет он и не знал, что это лицо может быть опасным. На уроках боевых искусств он часто тренировался с голым торсом, и никто не осмеливался посягнуть на него...

Хуайсинь нахмурился. Если вдуматься, в последние годы вокруг него действительно стало больше людей. Неужели это потому, что мужчины уважают силу? Нет, почему он вообще об этом думает? Должно быть, это влияние Цяо Янань за последние два дня!

— О чём задумался, что аж брови сдвинул? — Цяо Янань разгладила его брови пальцами и самодельным угольным карандашом начала прорисовывать их пошире, восстанавливая вчерашний облик. — Сделай двойной подбородок.

Хуайсинь послушно выполнил просьбу, выпятив подбородок как можно сильнее.

— И надо же мне так портить такую красоту, — Цяо Янань оглядела его лицо с разных сторон. — Готово, теперь вся твоя прелесть надёжно спрятана.

— Красота не помогла бы мне в нынешнем положении.

— Так говорить могут только те, кто ею обладает. Вот я, например, так не говорю, — Цяо Янань подмигнула. — Потому что у меня её нет.

<http://bllate.org/book/20743/2078432>